

Глава 5

Для Мэн До эта задача оказалась не из легких. Найти человека нужно было, не поднимая шума, поэтому ему пришлось вести поиски под предлогом облавы на опасного преступника по всей стране.

Найденного следовало захватить живым, не причинив ему ни малейшего вреда и не проявив неуважения.

«Это не на беглого преступника охота, а поиски собственного прародителя!» — думал он.

Для великого генерала Мэн король Юань и впрямь был сущим прародителем бед. Он взошел на трон в двадцать лет, и за прошедшие пять лет успел бесчисленное количество раз лично возглавить походы против соседей, изрядно потрепав их.

Любовь к войне — это еще полбеды. Но помимо этого, он был непредсказуем, жесток и одержим жаждой крови. От скуки он мог казнить нескольких сановников просто для развлечения.

Весь двор трепетал перед ним, но никто не смел подать в отставку, потому что все, кто пытался, до одного погибли по дороге домой.

И все же никто не осмеливался перечить этому кровожадному монарху, ибо его военная дисциплина и железная хватка не знали себе равных.

В битвах король Юань если и не одерживал победу в ста случаях из ста, то в девяноста девяти — уж точно.

Он носил маску демона-ракшаса, из-под которой виднелись лишь глаза, острые, как у ястреба. Одно его появление на поле боя, подобно явлению Ямы, жнеца человеческих жизней, заставляло вражеских полководцев дрожать, а их коней — в ужасе разбежаться.

Ходили слухи, что у короля Юань синее лицо и клыки, три головы и шесть рук, что его имя способно унять плач ребенка, а сам Яма уступает ему дорогу.

Лишь Жуань Цзинь, попавший сюда из другого мира, знал, что император Юань в истории хоть и был безумцем, но его политические достижения заслуживали уважения.

Он объединил Центральные равнины, унифицировал письменность, одежду и систему мер и весов, построил Великий канал, соединивший север и юг, укрепил дамбы на Желтой реке и провел реформу управления, которая просуществовала три тысячи лет.

Вот только династия Юань пала уже при втором поколении. Говорили, это случилось потому, что у него не было наследников. Родственники передрались за трон, а он с усмешкой наблюдал за их тигриной грызней, в итоге позволив им растащить империю, которую он с таким трудом завоевал.

Сам же он, довольный, устроил себе похороны — да, еще при жизни.

Он не назначил наследника, не оставил завещания, просто заперся в гробнице и умыл руки.

Безумец, истинный безумец!

В день своего перемещения Жуань Цзинь как раз обсуждал с однокурсниками: если бы у императора Юань был наследник, процветала бы великая Юань и дальше? Удалось бы избежать тех десятилетий смуты?

Историки, упоминая этот период, лишь качали головами, называя его «пятьюдесятью самыми темными годами» в истории.

Но император Юань Етань, казалось, любил только войну. Неужели три тысячи красавиц в его гареме томились в одиночестве?

А в это время Жуань Цзинь, глядя на отпечаток пальца, оставленный А Манем на брачном договоре, с улыбкой поддразнивал своего глупого мужа:

— А Мань, зови меня «супруг».

— Су...пруг.

Жуань Цзинь рассмеялся.

— Какой А Мань послушный. Теперь мы официально женаты. Твой супруг будет о тебе хорошо заботиться!

Девятый лекарь, наблюдавший за ними, тоже улыбнулся.

— Цзинь-гэр, хоть А Мань и вошел в твой дом зятем, но он — твой муж, а ты — его супруг. Не путай.

В династии Юань жен называли «сударынями» или «женами», а гэров — «супругами».

— А, — протянул Жуань Цзинь. — Хорошо! Муж, зови меня «супруг»!

Автоматон А Мань опустил взгляд на деревянную фигурку в своих руках. Сокол уже обретал форму, и в нем угадывалась хищная птица.

Жуань Цзинь достал двух бабочек. В одну он вставил рубин, в другую — сапфир. Одну повесил себе на шею, другую — А Маню.

Пусть эти две бабочки будут их знаком любви.

Жуань Цзинь был эстетом, и даже то, что А Мань был дурачком, его ничуть не смущало. Ведь он был так красив.

Короткая церемония закончилась, и Жуань Цзинь приготовил несколько закусок к вину для Девятого брата. Одно блюдо — рыба-белка в кисло-сладком соусе, из пойманного в пруду османтусового окуня. Пруд питался горным ручьем, и рыба в нем была жирной и нежной.

Еще одно — паровой омлет с креветочным муссом, из живых креветок, которых Сы-эр наловил в горном ручье.

Были также утка «Восемь сокровищ» и курица в вине — блюда, которых Девятый брат никогда прежде не пробовал.

К этому добавились чайные яйца и тэмпура. Эти шесть блюд заставили даже такого равнодушного к еде человека, как Девятый брат, восхищенно ахнуть.

— Я помню, ты раньше не умел готовить, — спросил он Жуань Цзиня. — Как ты вдруг научился готовить столько блюд?

Жуань Цзинь махнул рукой.

— Раньше были отец и Сы-эр, я ленился, сколько мог. Даже если в голове и были какие-то идеи, мне было лень их воплощать. Теперь все иначе. Отца нет, я должен что-то делать. Иначе, с одним лишь Сы-эром, наш дом долго не простоит.

— Молодой господин, не говорите так, — недовольно возразил Сы-эр. — Все эти дни после смерти господина разве не я заботился о вас?

Жуань Цзинь усмехнулся и похлопал Сы-эра по плечу.

— Да-да, я хотел сказать, что Сы-эр еще молод, и я не могу вечно полагаться на твою заботу.

Девятый брат, глядя на блюда, заметил:

— С таким мастерством, Цзинь-гэр, ты мог бы открыть закусочную в городе.

Сы-эр согласно кивнул.

— Я тоже так думаю. Но молодой господин привык к праздности, боюсь, он не выдержит такой тяжелой работы.

— Раньше я действительно был ленив, — цыкнул Жуань Цзинь. — Но теперь, когда отца нет, если я и дальше буду лениться, боюсь, эти ненасытные родственники меня съедят. Лучше полагаться на себя, чем на других. Не могу же я всю жизнь лежать на боку.

Лежать на боку, как соленая рыба, конечно, приятно, но в итоге тебя съедят.

— М-м, — тихо произнес Девятый брат. — Цзинь-гэр повзрослел. Надеюсь, после женитьбы ты сможешь стать самостоятельным и жить своей жизнью. Это важнее всего. Если понадобится моя помощь, приходи в «Зал Цзю».

— Хорошо, спасибо, Девятый брат, — кивнул Жуань Цзинь. — Я выпью за тебя, в благодарность за то, что ты стал свидетелем на нашей с А Манем свадьбе.

Автоматон А Мань держал в руках палочки, но Жуань Цзинь вложил ему в руку чарку с вином. Длинные ресницы А Маня дрогнули, он растерянно посмотрел на чарку, затем на Жуань Цзиня.

Тот улыбнулся ему.

— А Мань, выпей с супругом за Девятого брата.

А Мань механически поднял чарку и вместе с Жуань Цзином осушил ее до дна. Выпив, он не выказал никаких эмоций, словно крепость вина его не затронула. А вот Жуань Цзинь от остроты напитка долго шипел и отдувался.

Девятый брат улыбнулся и, взглянув на небо, сказал:

— Хорошо, на сегодня все. Отдыхайте. Надеюсь, в следующем году у вас уже будет маленький А Цзинь или маленькая А Мань.

Щеки Жуань Цзиня вспыхнули. «Неужели я и вправду могу забеременеть? — подумал он. — Человек с мужскими признаками может родить ребенка от другого мужчины?»

Это противоречило всем его знаниям о биологии, но в то же время им управляли эти самые

противоречащие здравому смыслу гормоны.

Он украдкой взглянул на А Маня. «Ну и хорошо, — подумал он, — хорошо, что небеса послали мне такого красавца. Иначе, с такими дядями и тетями, моя участь была бы не лучше, чем у прежнего владельца этого тела».

Проводив Девятого брата, Сы-эр пошел греть воду для купания Жуань Цзиня и А Маня.

Глядя на полную лохань воды, Жуань Цзинь смутился. Он поманил А Маня.

— А Мань, ты сам умеешь мыться?

А Мань кивнул.

— Мыться... умею.

— Хорошо, тогда ты... — Жуань Цзинь посмотрел на рану на ноге А Маня и покачал головой. — Ладно, я тебе помогу.

Он подошел и развязал пояс А Маня. Мягко протирая ему спину и плечи полотенцем, он заметил, что вся спина А Маня покрыта шрамами, большими и маленькими.

Он удивился. «Одежда у А Маня дорогая, кожа нежная, — подумал он, — он явно молодой господин, не знавший лишений. Откуда же на его спине столько шрамов?»

С этой мыслью он взял А Маня за руку и обнаружил на ней толстые мозоли, какие бывают от долгого держания меча или копья.

Жуань Цзинь замер и, подняв глаза на красивое лицо А Маня, спросил:

— А Мань, ты раньше... был солдатом?

А Мань лишь глупо смотрел на него, не отвечая. Похоже, он был совсем плох.

Жуань Цзинь вздохнул. «Зачем я его мучаю, — подумал он, — я ведь и так был готов. Если он вспомнит все, я дам ему развод и отпущу. Наша свадьба — лишь временная мера».

Он продолжил мыть А Маня. добравшись до груди и живота, он снова был поражен его рельефными мышцами. «Разве человек может накачать такие мышцы?» — подумал он.

Перевернутый треугольник торса, крепкая грудь, восемь кубиков пресса, словно стиральная доска, — любой мужчина позавидовал бы.

А ниже... Жуань Цзинь не смел смотреть, но знал, что там тоже нужно помыть, иначе гигиена страдает.

Он несколько дней не мылся из-за болезни, наверняка уже завоняло.

Жуань Цзинь зажмурился, стянул с него всю одежду и, увидев то самое, мгновенно покраснел. «С таким огромным... меня же... до смерти зажарят?» — подумал он.

«Ладно, ладно, говорят, чем больше у мужчины, тем лучше!»

Он опустил взгляд на себя... «Неважно, все равно это лишь для вида».

В прошлой жизни у него было... вдвое меньше, чем у этого мужчины!

Жуань Цзинь, зажмурившись, вымыл его дочиста, вытер полотенцем и сказал:

— Ты... иди пока на кровать, жди меня.

А Мань послушно обошел ширму и лег на кровать. Жуань Цзинь залез в лохань и тоже тщательно вымылся.

Пока мылся, он размышлял: «Этот дурачок сейчас как NPC, он же, наверное, не знает, что делать в постели?»

«Знал бы, купил бы ему несколько книг для просвещения, иначе как сегодня все получится?»

Чем больше Жуань Цзинь думал, тем сильнее краснел. Он, натурал, должен учить другого мужчину, как с ним спать. Что за нелепость.

Провозившись с мытьем, он наконец закончил. Когда он подошел к кровати, то увидел, что А Мань, послушный и милый, сидит и ждет его.

Он был без одежды, прикрыв лишь нижнюю часть тела.

То самое под тонкой тканью, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Жуань Цзинь, накинув на себя халат, неловко сел на кровать рядом с А Манем, размышляя, как

бы это описать.

Он посмотрел на А Маня своими красивыми персиковыми глазами и, собравшись с духом, наконец выдавил:

— А Мань, давай поиграем в игру «вьюнок пробирается в норку», хорошо?

<http://bllate.org/book/13418/1194376>